

Степин В.С.

У меня на эту тему есть соображения, которые я уже не раз излагал, и потому в чем-то повторюсь.

Горбачев М.С. Так их не все знают, и потом – повторение есть мать учения.

Степин В.С. Начну с причины, которая сейчас обострила эту проблему. Я бы сформулировал ее так. Причина связана с завершением особого типа цивилизационного развития, именуемого техногенной цивилизацией, который я противопоставляю традиционалистским цивилизациям.

На мой взгляд, совершенно недостаточно просто зафиксировать факт существования локальных цивилизаций. Верно, что многие из них существуют уже пять-шесть тысяч лет. Но в качестве общего можно выделить, по крайней мере, из того, что уже реализовала история, два основных типа цивилизационного развития – традиционалистский и техногенный.

Возникновение в лоне новоевропейской культуры (примерно в XIV-XVI веках) культурно-генетического кода техногенной цивилизации означало переход к новому типу развития, принципиально и радикально отличного от традиционных обществ. С той поры эти два типа развития взаимодействовали между собой, чем, в частности, объясняется появление феномена догоняющих модернизаций.

Традиционалистские общества изначально проигрывают техногенной цивилизации именно в сфере техники и технологии. Обладание технически оснащенной военной силой обеспечивает преимущества техногенных обществ. Часть традиционных обществ была колонизирована, разрушена, о чем правильно говорил профессор Яковец, имея в виду цивилизации «старого света». Другая часть этих обществ встала на путь модернизации. Такой путь прошла Япония после реформы Мэйдзи, а также Россия, проведя три крупных модернизации – петровскую, Александра II и большевистскую, которая осуществила проект быстрой, ускоренной индустриализации страны и создала предпосылки для особого типа техногенного развития.

Реплика. И в конечном счете проиграли...

Степин В.С. Это другой вопрос, почему мы проиграли и на какой исторический вызов не сумели ответить. Об этом я писал достаточно подробно. Мы не смогли осуществить научно-техническую революцию, которую Запад провел где-то в семидесятых годах и которая создала предпосылки для постиндустриального развития.

Горбачев М.С. Тогда мы говорили: вот у вас 30 миллионов безработных, а у нас меньше.

Степин В.С. Да, пропагандистских лозунгов было много, но на исторический вызов мы не ответили. Модернизация, которую мы осуществили вместе с рядом других стран, обеспечивала индустриальное развитие, а развитые страны уже переходили на рельсы постиндустриального развития. Чем перестройка и последующие реформы были инициированы? Попыткой ответить на этот исторический вызов. С этих позиций я оцениваю и современные реформы, и утверждаю, что они направили развитие экономики в такое русло, которое не приближает, а отдаляет нас от решения этой задачи. Это в порядке реплики. Вернусь к исходному рассуждению.

Итак, с момента своего рождения техногенная цивилизация стала распространяться по Земному шару и переводить на рельсы этого типа развития все страны, в том числе и Россию. Кстати, я рассматриваю конкуренцию Советский Союз-Америка, социалистический и капиталистический лагерь как два сценария именно техногенного развития. И мы проиграли в том, что не смогли перейти к этапу постиндустриального роста.

Отсюда не следует, что техногенная цивилизация - это навечно, и что на этих рельсах будет обретено всеобщее счастье и благополучие. Наоборот, именно эта цивилизация создала все нынешние глобальные кризисы, и существует связь между базисными ценностями техногенной цивилизации и современными глобальными кризисными явлениями, среди которых экологический и антропологический кризисы - самые вопиющие.

Горбачев М.С. Даже многие западники сами говорят: техногенная исчерпала себя.

Степин В.С. Да, исчерпала. Она исчерпала резервы своего роста. Поэтому вопрос состоит в том, каков будет дальнейший ход развития? Именно в этом аспекте, я думаю, идея диалога между цивилизациями и должна преимущественно обсуждаться. Это первое замечание.

Второй момент. Необходимо выяснить, а возможен ли какой-то иной - не традиционалистский и не техногенный - какой-то новый, третий тип развития, вобравший в себя что-то из традиционалистского, а что-то из техногенного, но не совпадающий с ними. Принципиально важно выделить две трактовки постиндустриального развития. Одна рассматривает постиндустриальное развитие как пролонгацию техногенной цивилизации, когда ее базисные ценности сохраняются, и происходит лишь модификация существующих форм социальной жизни. Глобализация в этом случае предстает просто как продолжение истории техногенной цивилизации. Этот сценарий ведет к «золотому миллиарду» и обострению всех глобальных кризисов.

Именно в рамках этого сценария предполагается, что базисные ценности техногенной цивилизации будут распространены на весь мир, причем в той версии, которая соответствует эталонам современному западной культуры. И как только это произойдет, мир станет единым. Примерно такой сюжет и такой сценарий сейчас прописываются.

Горбачев М.С. Хотят мир построить по этому сценарию.

Степин В.С. Его уже и строят таким образом. Но в принципе возможны и иная трактовка, и иной сценарий постиндустриального развития, связанный не с пролонгацией ценностей техногенной культуры, а с их радикальным изменением. Сейчас об этом сценарии можно говорить лишь в прогностическом плане, но важно, чтобы сохранилось человечество, чтобы решались глобальные кризисы. Как должен быть устроен мир, чтобы человечество выжило, чтобы глобальные кризисы были, если не ликвидированы, то, по крайней мере, ограничены и каким-то образом смикшированы? С этой точки зрения важно (и тут уже об этом говорилось) посмотреть на базисные ценности, которые заложены в разных типах цивилизационного развития. Несмотря на разительное отличие индийской культуры от китайской, мусульманской, от культуры славянского мира или средневековой культуры Европы, у них есть общие мировоззренческие установки, которые позволяют говорить о традиционалистском типе культуры и соответствующем ей типе цивилизационного развития. Это особое понимание человека, понимание деятельности, понимание природы, понимание власти и силы, личности, рациональности, традиций и инноваций.

Деятельность человека в традиционалистских культурах понимается, прежде всего, как адаптивная деятельность, а не как креативная. Природа рассматривается как живой организм, а не как склад материалов и ресурсов для деятельности. Личность понимается как соединенная, сращенная со строго определенной корпорацией, сословием или кастой, где человек и реализуется как личность. В техногенных культурах иное понимание и иной идеал личности. Автономия и суверенность личности - здесь базисная ценность. Индивид сам выбирает корпоративные связи, а не подчинен какой-либо касте или сословию от рождения до смерти. Кстати, идея прав человека возникает в контексте именно этого идеала личности.

По-разному понимаются власть и сила. В традиционном обществе – это власть человека над человеком. А в техногенном власть человека распространяется еще и на объекты, включая социальные объекты. Любимое изречение нынешних политиков – это контроль над социальными объектами, куда включены люди, которыми (как объектами) можно

манипулировать. Такое понимание власти и силы характерно именно для техногенной культуры и общества. По-разному акцентирована ценность инноваций и традиций. Для техногенной культуры инновации – самоценность. Здесь ценится творчество, открытие нового, даже если оно заставляет изменить традицию. В традиционалистских культурах, наоборот, главная ценность – традиция, инновации ограничиваются ее рамками и маскируется под традицию. Самая тяжелая участь для человека, согласно древнекитайской притче, – жить в эпоху перемен.

Можно и дальше проводить анализ этих различий, чтобы выделить геном техногенной культуры. Вот он-то и должен быть изменен. Возможно, человечеству придется пройти через духовную революцию, аналогичную той, которая прошла в эпоху Ренессанса и Реформации. Иначе с глобальными кризисами не справиться.

Разумеется, это не означает, что должно быть отброшено все, что было наработано техногенной культурой. Многие сохранятся, многие приобретет иные черты, но вместе с тем, по-видимому, будет что-то заимствовано и из достижений традиционных культур, забытых и отброшенных техногенной цивилизацией. Аналогия с эпохой Ренессанса здесь вполне уместна. Ведь в ту эпоху происходил грандиозный синтез достижений античности с достижениями христианской культуры средневековья. Синтез – это не возврат к старому, а создание нового. И если действительно человеку предстоит переоценка сегодняшних ценностей, то новая система ценностей не будет ни простой пролонгацией техногенной, ни возвратом к традиционалистской системе. Это будет нечто третье. И именно в рамках этого процесса особое значение приобретает диалог культур.

Еще один важный вопрос. Где точки роста новых ценностей? Современную цивилизацию все чаще сравнивают с древним Римом. Несмотря на свою военную мощь, Рим погиб под натиском варваров, но не только варваров. Рим был одним из вариантов древнего потребительского общества, написав на своих знаменах «Хлеба и зрелищ». И внутренний распад духовных начал этого общества был одним из источников его крушения. Но внутри римской культуры возникли маргинальные течения – раннее христианство. Оно возникло в самом римском обществе, не у варваров. И его можно рассматривать как зародыши той тысячелетней христианской цивилизации, которая пришла на смену Риму.

Я полагаю, что такие зародыши возникают и в современной техногенной культуре, и в модернизирующихся традиционных обществах. Их надо отыскать, зафиксировать как точки роста новых ценностей. В обсуждаемой сегодня книге представлена графически такая модель: стрелками соединены глобализация, многообразие, самобытность, общность, диалог, а внизу общие ценности. Что представляют собой эти общие ценности? Как они могут возникнуть? Это самый важный вопрос. Важно отследить, где точки роста новых ценностей в техногенной культуре, и как они перекликаются с ценностями традиционалистских культур. Нужен анализ.

Я проделал такой анализ только в одной области – научно-технического прогресса, поскольку это сердцевина данной цивилизации. И обнаружил три таких аспекта.

Первый аспект – отношение к природе. Техногенная цивилизация начала с того, что природа – это не нечто живое, а резервуар материалов и ресурсов, поле, которое человек должен переработать и переплести. Идея подчинения природы человеку проходит через всю историю техногенной цивилизации. Эта идея конфликтует с идеалом традиционалистских обществ: природа – это живой организм, и я, человек, его часть, должен быть включен в этот организм. Я не могу там действовать, как попало, я должен адаптироваться к живому организму природы. Как в китайской культуре гласит принцип «у-эй»: совершенно мудрый должен чувствовать ритмы мира и научиться осуществлять минимальные действия.

В древнекитайской притче высмеивается псевдомудрец, эдакий древний «мичуринец», который решил ускорить род злаков, стал тянуть их за верхушки и ... вытянул их из грядки. Отсюда заповедь: если что-то растет и развивается, почувствуй его ритм, чувствуя, что это живое, не лезь туда, не вмешивайся, а осуществляй минимальные действия, способствующие его росту и развитию.

Горбачев М.С. Это Чингиз Торекулович обязательно использует в своей следующей книжке.

Степин В.С. В чем тут смысл? Эта идея о том, что мир есть нечто живое, как иногда говорят – одушевленное. Долгое время техногенная культура отторгала эту идею как мистику, как то, что не соответствует науке. Однако в XX веке неожиданно наука вынуждена была признать, что мы живем в глобальной экосистеме, которая называется биосферой, которая представляет собой живой организм, имеет свои законы, и что развитие человечества как биопопуляции подчинено этим законам...

Горбачев М.С. То есть в этом контексте надо рассматривать всю нашу жизнедеятельность.

Степин В.С. И тогда мы должны признать, что окружающая нас среда не есть просто поле для переплести и преобразования, а живое, к чему необходимо адаптироваться. Мы не можем в общении с природой действовать, как слон в посудной лавке. Не случайно сейчас в западной культуре возникают идеи биоэтики, распространяющие «золотое правило нравственности» и на природу. На первый взгляд, странно, но, если подумать, не так уж глупо. Если это правило относится к себе и к будущим поколениям, то мы обязаны оберегать природу, не только сами потреблять, но что-то оставить детям и внукам. Отношение к природе становится нашим нравственным отношением к будущим поколениям.

Точки роста новых ценностей возникают не только в этике, но и в науке, где возникает база, которая их обосновывает и соединяет – новые ценности с системой образования. Конфликт между сферой знаний и сферой чувств, рациональным и эмоциональным началами пагубно сказывается на деятельности, где по-прежнему, как учили в эпоху Просвещения, главная мысль – подчинение, покорение природы путем силового преобразования. Мы чувствуем, что нужно новое понимание, но живем и действуем по-старому. Если путем образования и воспитания новые идеи войдут в сознание и практику, то, может быть, это и станет первым шагом к решению глобальных проблем.

В этой связи важно обратить внимание на изменение предметов познания и деятельности в сфере техники, технологии и науки. Это второй аспект рассматриваемой проблемы. На переднем крае современного научно-технологического развития появился новый тип объектов – это уже не простые и даже не сложные системы с саморегуляцией, а исторически развивающиеся человекообразные системы, частью которых является человек. Например, в современных подходах проектируются не просто машины и технологии, и даже не система «человек-машина», а особая целостная саморазвивающаяся система: человек-технология-экосистема и культурная среда, которая принимает новую технологию. В этом плане я напомним такой факт. В Средней Азии, когда там приступили к индустриализации, возникла целая проблема. Надо было завозить туда не только инженерный персонал, чтобы наладить заводы. Дехкане не могли работать в замкнутых пространствах, у них возникала клаустрофобия. И потому пришлось завозить туда даже рабочую силу.

Горбачев М.С. А на легкую промышленность девчонок не отпускали, и они шли только с родителями.

Степин В.С. Совершенно верно. Вот так культурная среда может не принимать новые технологии. Это надо учитывать. Сейчас в передовых, продвинутых проектных разработках проектируются целостные развивающиеся комплексы с учетом включенного в них человека. Такие объекты становятся и главными предметами современного научного поиска. Это – системы современной биотехнологии, генной инженерии, биосфера и глобальные биоценозы. Это и социальные объекты, и новейшие информационные системы (Интернет и др.).

С такими системами работает современная наука. Они характеризуются синергетическими эффектами, проходят через

точки бифуркации, в которых система может развиваться по разным сценариям. Такие системы требуют особых стратегий деятельности. Чтобы обеспечить новый уровень организации системы, уже нельзя полагаться лишь на силовое давление, которое, воздействуя на систему, может возвращать систему к одним и тем же старым состояниям. Простое увеличение силового и энергетического давления часто приводит не к появлению новых уровней организации, а минимальное воздействие - укол в определенном локусе пространства и времени может решить задачу - система самоорганизуется по-новому. Этот способ воздействия напоминает принципы ненасилия, развитые в древнеиндийской культуре, и принцип «у-вэй» древнекитайской культуры. Эти принципы неожиданно обретают новое звучание на самых передовых рубежах науки и производства новых технологий.

Наконец, о третьем аспекте. В сегодняшнем развитии науки возникают новые черты отношения знания и нравственности. Древние культуры строились так. Когда Конфуция ученики спрашивали, что такое Дао-истина, то он давал ученикам разные ответы. На первый взгляд это кажется дикостью, особенно с точки зрения европейской логической традиции.

Реплика. Соломон также отвечал.

Степин В.С. Это, кстати, древний способ размышления. Древние китайские мудрецы учили, что «Дао» – это не только истина, но и нравственность, и жизненный путь. Все эти значения выражал один и тот же иероглиф «Дао». Поэтому, чтобы истина открылась человеку, он должен пройти путь нравственного самоусовершенствования. Согласно традиции древних культур - сначала нравственность, а потом истина.

В европейской традиции, начиная с Сократа, все наоборот. Когда к Сократу приходил грек и спрашивал: «Сократ, научи, как жить добродетельно», Сократ отвечал: сначала давай определим, а что такое добродетель? И начиналось длинное рассуждение – попытка определить, что означает это понятие. Начинается поиск истины, в соответствии с которой следует строить нравственное поведение. Здесь сначала истина и на ее основе – разумная нравственность. Это две разные стратегии, но они неожиданно начинают сближаться в современной науке. Оказывается, для успешного познания и деятельности уже недостаточно внутреннего этоса науки, который требует искать истину и обеспечить рост истинного знания, нужно еще соединить внутренний этос науки с социальными ценностями. Возникает институт этической экспертизы крупных проектов, разнообразные этические комитеты, которые выносят свой вердикт по поводу исследовательских программ. Налицо перекличка с тем, на чем настаивали древние: что хорошо бы истину и нравственность соединить воедино, а не объявлять истину первичной, а нравственность как бы вторичной.

Точки роста новых ценностей возникают не только в науке, но и в других сферах культуры. В этике, в сфере религиозного сознания. Я как-то натолкнулся на совершенно необычные идеи американских протестантских теологов, выдвинувших предположение, что Бог еще не закончил творения мира, он творит его до сих пор. Эволюция продолжается. В этом смысле мир не просто создан Богом, а он как бы со стороны на него смотрит и за ним наблюдает. Бог - соучастник этого процесса, и сумма зла, творимого людьми на Земле, тоже оказывает влияние на этот процесс. Эти странные, почти еретические идеи возникают в рамках протестантской религии, и в них стоило бы тоже разобраться.

Разумеется, надо посмотреть, как меняется политическое сознание, какие точки роста новых ценностей там возникают. Здесь много проблем.

К примеру, создает ли демократия необходимые условия для диалога культур и цивилизаций, и насколько ее принципы и нормы оптимальны для выработки необходимого согласия по стратегическим вопросам развития человеческой цивилизации? Современные политики над этим явно не задумываются.

Идеи стратегического развития при сугубо прагматическом, инструментальном отношении к власти, - а демократия во многом сейчас настраивает на подобный инструментализм, - вряд ли будут серьезно прорабатываться.

В этом плане хорошо бы обсудить возможность создания соответствующих экспертных центров, которые могли бы оказывать влияние на властные структуры. Мы же знаем, что такое штат помощников и советников президента. Эта публика во многом, как говорится, соразмерна шефу. Она поддакивает, помалкивает там, где нужно, и никогда не критикует президента.

Горбачев М.С. Им же и подобранная!..

Степин В.С. Да, им подобранная. А вот где и каким образом независимо и объективно сегодня можно повлиять на политику – это для меня проблема. В свое время мы с Валентином Ивановичем делали в Огайо совместный доклад, где настаивали на том, что человечество возьмет демократию в будущее. И ответственность за будущее – это, действительно, наилучший способ регуляции человеческих отношений из того, что придумано пока людьми. Но вопрос в том, появились ли тут какие-то новые точки роста? Для меня это пока нерешенный вопрос. Надеюсь, что тут они тоже есть.

Горбачев М.С. Важно, чтобы сама демократия была демократизирована.

Степин В.С. Итак, идея состоит в следующем. Мы должны посмотреть не просто на необходимость диалога. Диалог нужен – это понятно. Об этом, кстати, в обсуждаемой книжке хорошо сказано. А каковы возможности этого диалога? Думаю, надо исходить из анализа базисных ценностей, существующих цивилизаций, несущих в себе мировоззренческие образы человеческого жизненного мира. Если они расходятся, и в них нет возможностей состыковки, то остается только одно: ты «свою» убери, а я «свою» тебе буду навязывать - вот так, как сейчас это и происходит.

Нужно искать новые способы соприкосновения, нужно выявлять структуры общих ценностей, которые бы могли объединить мировое сообщество. Причем искать их не просто где-то в прошлом, а внимательно всмотреться в настоящее, проанализировать передовые рубежи современного развития, в том числе и связанные с современной глобализацией. Надо брать современную ситуацию, во всей ее противоречивости, из нее исходить. Мир уже изменился, и важно выявить возможные сценарии и тенденции дальнейших перемен, отыскивая и выделяя такие сценарии, которые бы обеспечивали сохранение и развитие цивилизации.